

А. А. ГРЯКАЛОВ*

СВИДЕТЕЛЬСТВА КРОВИ: КТО ГОВОРИТ? НЕОТЧУЖДАЕМОЕ**

Аннотация: В статье представлены актуальные для современной философской рефлексии и культуры позиции понимания, что связано с идеями книги В. В. Савчука «Кровь и культура». В центре внимания проблемы неопределенности, подлинного экзистенциального существования и топологической субъективности. Актуализирована фигура субъекта-свидетеля, представляющая полнокровность существования и продуктивность рефлексии.

Ключевые слова: кровь, свидетельство, эстетическое, подлинность, отчуждение, утверждение жизни.

A. A. GRYAKALOV

BLOOD TESTIMONIES: WHO SAYS? INALIENABLE

Annotation: The article presents the positions of understanding that are relevant for modern philosophical reflection and culture, which is connected with the ideas of V. V. Savchuk's book «Blood and Culture». In the focus of attention are the problems of uncertainty, genuine existential existence and topological subjectivity. The figure of the subject-witness has been updated, which represents the full-blooded existence and the productivity of reflection.

Key words: blood, evidence, aesthetic, authenticity, alienation, affirmation of life.

Кровь людская не водица,
Проливати не годится.
Русская пословица

Первое издание книги Валерия Владимировича Савчука «Кровь и культура» привлекло внимание к проблеме, находящейся тогда словно бы совсем на периферии основных направлений и ориентиров отечественных исследований

* *Грякалов Алексей Алексеевич*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00899.

культуры и философской рефлексии. Было показано, что это далеко не совсем так: тема предстает во всей трудно обозримой полноте в истории и философии культуры. В диалоге с этим в книге задействованы актуальные стратегии современной философской и гуманитарной мысли. На таком плодотворном поле сложились и продолжают развиваться идеи и образы, инициированные талантливым исследованием.

И через двадцать лет переиздание книги «Кровь и культура» вновь дает возможность понять, как можно применить идеи исследования к актуальным областям знания. Следует полностью согласиться со словами автора о том, что проблема крови в культуре не только не утратила интерес у исследователей, но, напротив, дополнилась новыми сюжетами — идеи книги действуют как порождающая модель актуальных научных поисков. Именно анализ отношения к теме кровности может служить показателем утверждения новых ориентиров философской рефлексии, открывая темы наполненности знания полнокровностью жизни. В предлагаемом отклике на новое издание книги В. В. Савчука «Кровь и культура» представлены иррадирующие *жесты* проблематики исследования, что призвано показать действие его идей в сфере актуальной рефлексии. Это, прежде всего, — диагностика обескровленной неопределенности, преодоление неподлинного существования и возможность утверждающего жизнь творческого свидетельства.

1. ГОЛОС КРОВИ, ИЛИ БОЖЕСТВЕННОЕ ВСЕВЕДЕНИЕ

«Глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли» (Бытие 4:10–11).

В толковании святого Иоанна Златоуста противопоставлены силы человеческие и божественные. Далеко несется голос крови, что от земли восходит на небо и, минуя небо небес и высшие силы, достигает самого престола Царя и жалуется на убийство, обличает нечестивое дело. Вопль крови всепроникающ и не подчинен времени: наказание не могло быть предано забвению, чтобы случившееся было уроком для всех последующих.

Научение и предупреждение кровностью.

И вопль крови не нуждается в посредниках — свидетельствует самое *дело* таким образом, что кровь убиенного приемлется Богом с таким же вниманием, как и жертва. По порядку природы пролитие крови вызывает волну подобий — разрушительных сил: вопль крови от всех и за всех. И если кровь

Авеля говорит о нем чрез веру к милосердию Божию и невинностью своею вопиет против убийцы к правосудию Божию — так впоследствии кровь Иисуса вопиет к Отцу небесному о помиловании всего рода человеческого. Проявлено всеведение, всемогущество, правосудие и милосердие. В том, что этот вопль достигает неба, замечается образное выражение мысли о божественном всеведении, которое представляется слышащим восклицания и там, где человек старается покрыть все глухим молчанием.

Вопль крови бесконечен.

Задействован эстезис крови: след крови обличен и поименован. Можно сказать, что кровь предстает как «абсолютный свидетель». Это тождество крови-как-крови и ее образа. Кровь у истоков свидетельствует о том, что не поддается обману и обмену и одновременно предстает как *жертва* и как *дар*.

Ни к чему не сводимое самоговoreние крови.

Именно несомненную подлинность в последующих обращениях к голосам крови представить, наверное, труднее всего. Поэтому после первого осознания вопля крови ее свидетельства будут переданы через представленное непосредственно или воображаемое *другое*, а не через очевидно явленное изначальное *иное*. И автор книги «Кровь и культура» в приложении к новому изданию книги, названному «Медиальная конструкция жертвы», как раз пишет, что понять чужую мысль гораздо проще, чем собственный топос, а тем более — чем внятно и последовательно заявить об интересах собственного топоса на философском языке. Стремление понять мыслителей прошлого на языке их времени часто требует столько сил и времени, что для понимания своего времени и своего собственного свидетельства сил уже не остается.

Может быть, только голос первого — *иного* — свидетельства крови способен удерживаться в своей первозданной явленности, ясности и силе. Так задается первичный космос свидетельства.

2. ОБЕСКРОВЛЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Предельная ясность первого свидетельства крови никогда, наверное, не проявится с такой подлинностью и полнотой. И утрата связана с общим натиском и ростом неопределенности, где свидетельствование обращено не к вертикальному восхождению, точнее — к отношениям небесной *тверди*

и *земли*, а к тому, что непосредственно рядом. Кровное становится расположено горизонтально. Но от такой расположенности не становится более близким и понятным, напротив, отчужденно отдалается. Самое представление о возможности полнокровной правды становится труднодоступным или даже вовсе неосуществимым.

Повсеместность отчуждения.

Тема полнокровного верного свидетельствования становится смещенной и даже вовсе лишенной доверия. В повести А. Ф. Лосева «Театрал» автор словами героя констатирует:

«Нет ясности, красоты, нет кристальности. Нет в бытии ничего понятного и четкого... Как жизнь бесчеловечна, как жизнь бесчеловечно непонятна. Где начало и конец, где середина бытия? ...Жить в условиях внутреннего неразличения, внутренней безразличности, безразличия жизни, ее вечной однотипности, однообразия, монотонности, скучной невыраженности, невыразительности жизни — при всей ее бездонности и разношерстности.

Я ничего не понимал»¹.

Но словно бы сам собой подразумеваем ответ: если непонимание выступает как знак разрыва между божественным порядком или космосом, с одной стороны-вечности, и существованием, с другой стороны-временности, есть и тот, кто ясно осознает и понимает. Этот субъект уже за пределами сакрального измерения, но обладает цепкой памятью и неизбывным желанием жизни. Более того, есть умный и проникновенный *свидетель*, к которому обращено признание и который делает его возможным («...хочется чего-то простого, светлого-светлого, ясного-ясного, и, главное, простого. Где начало и конец, где середина бытия?»). Какой субъект — *человек* — способен прорваться сквозь непонимание и неопределенность — сообщить об *ином*, создавая возможное сообщество понимающих?

Можно ли такого субъекта-свидетеля *вы-числить*, представляя человеческие или нечеловеческие образы и подобию?

Но ближе всего как раз оказывается искажение человеческого. («В каждом биении сердца, в каждом вдохе и выдохе, в каждом тайном и явном жизненном процессе моего тела живет, действует, ухмыляется, издевается, высовывает язык эта пошлая дрянь, эта бездарная карикатура, которая хоть бы обликом-то своим была похожа на сказку и фантазию, а то ведь и сказать-то

о ней нечего, до того она бесцветна и бессодержательна»)?) Ведь когда представлено только неподлинное, как будто вообще отсутствуют другие свидетельства-проникновения. *Субъект-карикатурист* стремится «в чем-то поймать, как-то обмануть, вернее, как-то разоблачить — да, да, не обмануть, а именно разоблачить...» — при этом стремится *будто бы* говорить от имени «самой жизни».

Именно такой субъект подрывает все жизненные основания и надежды.

«Есть что-то гнусное, что-то пошлое и бездарное в основе всего бытия... Есть какая-то мелкая, духовно-мелкая идея, залегающая в глубине жизни, и от нее всё зависит, все и всё... Это духовное вырождение, это универсальное мировое мещанство, эта мелкая мстительность и придиричливость, — вот они, прославленные глубины бытия и жизни!.. всего моего существования, кто-то великий и могучий, злой и мстительный придирается ко мне, — да, да придирается ко мне, дразнит меня, задирает меня, машет кулаками около носа, вызывает на драку, на месть, на ругательства. Что ему нужно от меня? Да кому это — “ему”? А есть этот он, — вернее, оно, да, да, оно, — это хамское и бездарное “оно”, завистливое и мстительное, бездарно-злое, нудно-вымогательское. Оно неустанно следит за тобой, за каждым твоим шагом, ты вечно в поле его зрения; и оно не выпускает тебя ни на одну секунду, ни на одно мгновение... Это горящий и святящийся глаз вечно бдит где-то вдали, в тусклой и тошной мгле бытия, не моргая и магнетически пронизывая тебя, — издали, из-за угла, откуда-то сбоку.

Так живут людишки под этим бдительным оком».

И далее еще большее усиление:

«...почему он, мерзавец, мне это показывает? Зачем мне это нужно? Какое мне до этого дело? Почему он врывается в мою нормальную жизнь и хочет ее нарушить и даже окончательно уничтожить?»².

У персонажа вопроса появляется даже собственное имя («...стал называть его Епишкой») и действия в новом поименованном звании. Персонаж все время рядом («около меня») — существо провокации, подделки, шмыгания: «Его цель — надоедать мне своими ужимками и гримасами, своими издевательствами надо мной и своим вечным сарказмом».

Такой персонаж не просто «мелкий бес» — это лишь его внешнее обличье. Пусть он «бездарен, глуп — даже по виду какой-то забитый провинциальный мещанин», но он обладает *способностью*: «...он копировал, обезьянничал с меня все мои поступки и даже тайные мысли, он скрыто владел мною, направлял меня то в одну, то в другую сторону». Но понятно это только в парадоксальной ситуации («дурацкое мгновение», «идиотское мгновение»), где только и может быть выявлен и схвачен скрытый *властитель*.

Значит, для выявления — выведения на свет, нужно вспоминать — припоминать и фиксировать в сознании появления свидетеля-властителя через что-то *иное*. Природа соблазителя-властителя должна быть поставлена под вопрос. Припоминание выведет его на свет, когда он становится публичным существом соблазна.

«Епишка — ученый, Епишка — профессор. Епишка стоит на кафедре перед многочисленной аудиторией и читает лекцию. ...Вот он читает свою лекцию, — нет, не лекцию; вот он произносит речь и даже не речь, а какую-то проповедь. Да, да, он не профессор, он — проповедник, агитатор, основатель какой-то религии, секты или чего-то вроде этого».

«Мы пока еще не можем преодолеть смерть, но мы уже можем ее обезвредить». Спрашивает: «Хотите обезвредить свою смерть?». И предлагает выход: отрицать смерть посредством смеха.

«— Господа, надо смеяться! Да, надо смеяться перед смертью! — крикнул Епишка. — ...Надо смеяться! Надо хохотать!

Толпе это сразу понравилось. Хохотать перед смертью, видимо, ей больше хотелось, чем просто смеяться.

— Да! — вдруг закричал во весь голос Епишка. — Надо хохотать до упаду. Слышите ли: *до упа-ду!* Вот это и будет смерть. Надо лопнуть от смеху. Когда лопнете со смеху, это и будет смерть.

Толпа взбесилась».

Под(д)елка «Великого инквизитора»? И есть предложение, чтоб замысел осуществить.

«— Машина! Слышите? Машина такая есть...»³.

Машинность отчуждения и бескровности. Крови словно бы не хватает природной собственной самости и сил для свидетельства. Более того, появляются подделки, истиной крови словно бы вовсе пренебрегающие. В пьесе Александра Блока «Балаганчик» место крови займет клюквенный сок:

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч.

Представлена конструкция: поддельный хабитус крови. И кровь предстает как нечто пренебрегаемое — персонаж игральница-зрелища. Она скрыта, но сквозь покровы прорывается к признанию («Под румянами кровь озверело играла» — Шарль Бодлер).

3. КРОВЬ ВО ВРЕМЕНИ И ПОВЕРХ ВРЕМЕНИ

Обескровленность предстает как нежизненность. Тут кровь природно существует, но настолько «выбледневает», что свидетельствует только своей слабостью. Это понуждает к безлюбности, фантазмом, смерти, уходу. Происходит словно бы обнуление замыслов и смыслов — такова эстетика события Андрея Платонова, где устойчивым остается только *место* действия — «Река Потудань»: война смещает и стирает всю казавшуюся устойчивой образность и проективность жизни. Кровь остается на своих неизменных кругах обитания, но голос ее ослаблен, почти не слышен и в жизненных действиях не проявлен.

«...Бессмысленность жизни, так же как голод и нужда, слишком измучили человеческое сердце, и надо было понять, что же есть существование людей, это — серьезно или нарочно?».

«...Земля будет рожать все сначала, и лишь те существа, которые никогда не жили» (*Андрей Платонов*).

Это родовое восстание жизни против обмана и греха. Если угодно, восстание против обескровленной идео-логики. Появляются никогда ранее

не бывшие, но вполне телесно представленные и требующие внимания существа, выражающие радикальную нехватку сущего — бескровное существование. Воображаемые персонажи *телесности* и *плоти* — существа *иных* миров еще не вполне просветленно и осознанно бунтуют против неподлинности жизни, уже не подчиненной исходному замыслу.

«Он садился на пол и лепил из глины фигурки людей и разные предметы, не имеющие подобия и назначения, — просто мертвые вымыслы в виде горы с выросшей из нее головой животного или корневища дерева, причем корень был как бы обыкновенный, но столь запутанный, непроходимый, впившийся одним своим отростком в другой, грызущий и мучающий сам себя, что от долгого наблюдения этого корня хотелось спать».

Это не просто то, что может быть названо *смысл-ризомой*, но ризомой непрерывного обескровленного самоистребления — представлены практики (не)признания крови. Создание зоны отчуждения-с-другим. Кровь словно бы не смеет показываться самостоятельно.

Более того, кровь если и свидетельствует, то исключительно как *дурная*, *чужая* или *враждебная*. Кровь показывается только через что-то *другое*. Так в стихотворении Семена Гудзенко:

Но мы уже не в силах ждать,
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий. А потом
Глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

А в рассказе Ивана Бунина «Захар Воробьев» кровь буквально *загнана* водкой, когда корыстные наблюдатели спора подкручивают стрелки часов: время гона крови смертельно сжимается. Подкручиванье стрелок — временение. Введение крови в механистичность протекания. Кровь тут может свидетельствовать только через другое — обман, войну, подгонку стрелок на циферблате. Кровь проявляется через *другое* и только будучи доведенной до пределов возможности быть живой неявно, но настойчиво отсылает к *иному*. Может

проявляться даже через то, что изначально ей противопоставлено как лишенное ценности («Кровь людская не водица...»). Так в стихотворении Николая Тuroверова, где кровь словно бы не смеет показаться самостоятельно:

Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода.
Уходящий берег Крыма
Я запомни навсегда.

Складываются, можно сказать, практики признания крови во времени, явленной через *другое*. (Вспоминается преображающее выражение из сказки: «Кровь с молоком»). А поскольку модерн представляет непрерывное противодействие смыслов, то происходит мутация или даже исчезновение исходных родовых свидетельств и утверждений смыслов, но ростки почти неознаваемого *иного* существования устремлены к местам утверждения новых сил, способствующих утверждению жизни.

Кровность полагается во множественность оснований.

Очевидней всего — через сближение крови с родовой *влажной* субстанцией. Это влажная человечность, умение сопереживать и разделять чувства другого, умаление одиночества, действенная любовьность. Влажное льется, способно гибко прокладывать себе дорогу — приспособливаться и питать место.

Это проникновенность — уместность и возможность свидетельства.

Влажность соотнесена со страстностью и опьяненностью любовью, гибкостью, текучестью: «влажный стиль» подвижный и живой, чуждый строгости и назидательности, прихотливый, чувственный» — метафоры текучести в евангельском контексте получают дополнительные коннотации образа «живой воды, текущей в жизнь вечную»⁴. Свидетельство преодолевает временность и субъектность как определенный «сухой» смысл. Но текучесть-влажность далеко не во всем может быть объяснена самим действующим субъектом — это также некоторое неопределенное расслабление ума, нестабильность, зависимость от сопутствующих обстоятельств, незащищенность перед театральностью, неустойчивость перед прелестью чувства, слова или идеи, избыточная публичность, возможная зависимость от мнений. И возгонка к сухому смыслу осуществляется как переход-свидетельство — именно для этого нужен вызываемый встречей человек-свидетель. Его бытие

принципиально двойственно: высокая — *сухая* — незамутненная ясность взгляда и влажное — *текущее* — проникновение во все стороны жизни. Соответственно, нужно найти человека, способного едино-кровно свидетельствовать, что такие силы *есть* — жест утверждения в «самом действии» (*Н. Ф. Федоров*).

4. КРОВЬ И СУБЪЕКТ-СВИДЕТЕЛЬ: ГОВОРЕНИЕ ОТ ЖИЗНИ

Действие написанной двадцать лет назад книги Валерия Савчука состоит, прежде всего, в своевременном возвращении кровности в культуру и философию. О вдохновляющем контексте дней создания книги в Предисловии к новому изданию свидетельствует сам автор: то было время духа свободы и гласности в горизонтах вдохновляющего оптимизма. И тема крови наряду со многим ей сопутствующим приобретала гласность и значимость в культуре и философии. Сегодняшняя роль идей книги в активном стимулирующем действии в сфере рефлексии. Субъект крови свидетельствует о самой возможности субъектности и субъективности. Вживленность субъекта крови в рефлексию говорит о новой актуальной оформленности носителя мысли и действия.

С кем кровь? — с каким субъектом и какой мыслью?

Вроде бы ответ ясен — кровь с тем человеком-субъектом, который во всех временах. Но встает вопрос о том, что способно делать исторического субъекта столь вездесущим? Когда ослабевают кровно-родственные связи, а актуализация крови в культуре может вести не только к миру-замирению, но и напряженным столкновениям и противодействиям с субъектами *другой* крови? Способен выступать субъект крови как носитель стяженности рода и родовой философской мысли? Или о нем нет смысла спрашивать уже в силу того, что во все проникают *нигилизм* (Фридрих Ницше) и *немошь* (В. В. Розанов)? В. В. Савчук в завершении предисловия для нового издания книги относит кровь к группе мировых констант, поскольку она требует как ряда вещей — алтарей, чаш для сбора жертвенной крови, орудий ее получения, так и моральных табу, системы родства, клятв, обязательств и других символических представлений. Так кровь в качестве константы культуры, что подтверждают исследования «на земле», отражается в ране, жертве, празднике, пощечине, письме и перевознаке. Кровное предстает как сопротивление и утверждение, где действует стяженность свидетельств — они оказываются в трудно определяемом над-противоречивом уровне мысли и существования.

Кто говорит? Субъект-свидетель — всепроникающее и повсеместно пребывающее полнокровное существо.

Но если в ретроспективе возможных ответов немало, то в обращении к современности ответ чрезвычайно затруднен. Скорее, имеет смысл говорить не о персонификации свидетеля, а о самом акте свидетельствования, которое может быть представлено в разных обличьях и образах. Остается и вопрос о персонификации субъекта-свидетеля, способного иметь дело с кровью. Перебор позиций явно недостаточен, а тематизация интенций крови вряд ли может быть когда-либо завершена. Кровность мысли состоит в невозможности давления *символического* при всем полном внимании к символическим разверткам понимания. Субъект крови стяженно соединяет в себе эстетические, этические и антропологические процессы и смыслы существования — *кровность* восстанавливает силы рефлексии и существования. *Кровь* говорит в ее всеприсутствии и все-размещенности. Время вообще можно не брать в расчет, оно словно бы вовсе не существует. Кровь не оглядывается на время, но внимательна к местам — к расположенности. Ее вытекание и есть жест обрыва временения. Занимает словно бы место до мест или место без местности, без региональной определенности — во включенности в бытие.

Из бытийной жизненной основы прорастает подлинность ее свидетельств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лосев А. Ф. Театрал // Лосев А. Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993. С. 298–299.

² Лосев А. Ф. Епишка // Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 1. / Сост. и коммент. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкий. М.: Изд. дом «Время», 2002. С. 500.

³ Там же. С. 503.

⁴ Брагинская Н. Влажное слово, или Византийский ритор об эротическом романе. М., 2007. С. 145–148.